

Школа Бывальского

Пётр БЫВАЛЬСКИЙ, педагог

Сага о стандартах

Наука, фиксируя некоторые природные закономерности, всё чаще сталкивается с парадоксами. Человечество открыло для себя евклидову геометрию и ряд связанных с ней закономерностей и долго было уверено в её незыблемости. Но появился Лобачевский и доказал, что две параллельные прямые всё же могут пересекаться. Бывает, что люди, берущие на себя ответственность за разработку того или иного правила или закона, долго спорят и обсуждают, как сделать его лучше и учесть все интересы сторон и, в конце концов, приходят к выводу, что, используя одни и те же слова, говорят о разном.

Где начало того конца, которым оканчивается начало?

Козьма Прутков

За иллюстрацией далеко ходить не надо. Теперь трудно предположить, что имели в виду разработчики Закона «Об образовании», формулируя 7-ю статью. Понятно только, что им, видимо, очень понравилось само слово *стандарты*. Наверное, оно должно было придать относительно демократичному закону более строгую тональность. В этом плане творцы закона своего добились. Маленький экспресс-опрос, проведённый мною среди коллег, дал вполне ожидаемый результат. Со стандартами стойко ассоциируются такие понятия, как уравниловка, казарма и так далее, в том же духе и с тем же негативным оттенком.

Чем больше я размышляю об удивительной и драматичной судьбе образовательных стандартов, тем чаще на память приходит образ снежного человека. Действительно, на протяжении последнего десятилетия много спорили о том, существуют ли стандарты или их нет. Как и в истории со снежным человеком, кто-то видел их следы и даже захватывающе описывал это «экзотическое существо». А вот «живьём» из заслуживающих доверие людей стандарты так никто и не наблюдал.

Если отойти от аллегорий, то, согласитесь, история презабавная. На протяжении десятилетий тратились большие деньги, публиковались проекты, которые широко обсуждались. Проходили бурные дебаты на парламентских чтениях, выступали авторитетные деятели культуры, церкви. Вносились десятки, сотни поправок... Ситуация вокруг стандартов постоянно возбуждала педагогическую общественность. Её представители объединялись во всевозможные группировки. Одни упорно лоббировали стандарты, другие не менее упорно сопротивлялись их введению. В итоге многотрудной деятельности гора не родила даже жалкого мышонка. Стандартов как не было, так и нет. Можно предположить, что сама упругая ткань естественной жизни отвергает всё наносное и избыточное.

Но, может быть, дело в другом, и то, что происходит, иллюстрируется известным афоризмом бывшего премьера: «Сколько мы ни занимаемся партийным строительством, а в результате получаем КПСС»? Ведь так и со стандартами: как ни пытались честно их написать, а в результате получали усечённую программу. И весь спор о том, что должно в неё входить, а что нет и сколько часов кому отдать, естественно, переносился на стандарты, делая их принятие совершенно избыточным. Ведь, как известно, Боливар не выдержит двоих.

Нет столь великой вещи, которую не превзошла бы величиною ещё большая. Нет вещи столь малой, в которую не вместились бы ещё меньшая.

Козьма Прутков

Кроме того, стандарты оказывались страшным уродцем. Ибо нос у них был от Ивана Ивановича, уши — от Ивана Никифоровича, глаза от Василия Петровича, а рот они кривили, как Август Михайлович. Случалось это по той причине, что стандарты по отдельным предметам создавались группами, которые руководствовались не только разными подходами, но и разной идеологией, разными педагогическими парадигмами. Конечно, можно вспомнить о политической воле, всех построить и, наконец, принять какие-то стандарты. Похоже, что и через Думу их проташить удастся, а дальше останется выпустить на школу армию чиновников, которые будут блюсти это начальственное нововведение.

Но самое простое решение — забыть о 7-й статье. Мало ли неудачных или невыполнимых законов мы напринимали, особенно в последние годы? Ведь если мы и теперь законодательно утвердим стандарты в том виде, как они задуманы, то очень скоро в повестке заседаний Думы может появиться вопрос «Об исключении из Закона «О стандартах» ссылок на антинаучные теории прошлого века». Учитывая, что научные представления меняются все быстрее, возникает угроза превращения Думы в филиал Академии наук. Согласитесь ситуация абсурдная.

И всё-таки выход из этой ситуации есть, и он на поверхности. Можно, например, изменить Закон «Об образовании», и настаивать не на законодательном принятии стандартов, а на разработке рамочного закона о них. Правда, это возможно только в том случае, если всё-таки удастся договориться о том, что же такое стандарты и каков их смысл не для далёкой от нас американской школы, а для нашей ещё во многом советской. У стандартов есть все шансы стать как и неким законодательно принятым тормозом модернизации образования, так и мощным рычагом для ускорения этого процесса. Стандарты должны быть достаточно гибкими, способными учитывать не только последние научные достижения, но и необходимость вариативности обучения, что позволит решить вопрос о перегруженности содержания общего образования. Ведь сегодня уже очевидно, что проблема не в том, сколько ЗУНов или пока не очень понятных, но уже модных компетенций обрушивается на головы школьников, а в том, какого они качества. И остаётся ли за ребёнком право на выбор тех знаний и навыков, которые необходимы именно ему, и того учителя, у которого ему есть чему научиться? Очевидно и то, что перестраивать надо, прежде всего, программы. Если мы это признаем, то увидим, что программы и стандарты топчутся на одной площадке, подменяя друг друга. Придать им самостоятельное значение и смысл может только подход, при котором программы определяют, чему можно учить, а стандарты — что государство или общество, как заказчик, надеется получить в результате. Надо только быть готовыми, что завтра запрос общества и государства может сильно измениться. Если же он в том, чтобы обеспечить максимальное развитие личности каждого ребёнка, то какие тут могут быть стандарты, кроме десяти библейских заповедей?

Занаученная школа

Сколько себя помню, всё время говорили о том, как далека педагогическая наука от практики и бесполезна для учителя. С конца 80-х и в начале 90-х годов нам настойчиво повторяли, что инновационная школа настолько вырвалась вперёд, что педагогическая наука безнадежно отстала и перестала иметь к ней какое-либо отношение. Совсем не видно её за столбом пыли, взвихренном мчащейся вперёд кибиткой с педагогами-новаторами. Но вскоре страсти поулеглись, взаимные обвинения поостыли и между школой и педагогической наукой установились достаточно стабильные, хотя и неоднозначные отношения. На этой благодатной почве и расцвело явление, которое смело можно назвать — квазинаукой.

Дело в том, что сейчас исследовательские подразделения РАО, да и преподавательские кадры вузов и ИПК, в осуществлении своих разработок прекрасно научились обходиться без апробации их в школе. То есть, конечно же, в диссертациях и научных темах экспериментальную часть никто не отменял, но нынче «исследование» приобрело своеобразную форму.

Занимающийся научными изысканиями сотрудник или доцент устраивается научным консультантом в две-три школы. Само по себе это удобно. И исследование можно провести, и собственное финансовое положение немного поправить. Но это рядовые деятели науки, а академики, профессора ухитряются выступать научными руководителями сразу нескольких... нет, не школ, а десятков образовательных учреждений. Здесь уже можно рапортовать о масштабном эксперименте. Вот только как оценивать его реальные результаты? Ведь очень часто в оценке таких экспериментов срабатывает скорее корпоративная круговая порука, чем стремление установить хоть какую-то истину и что-то изменить на практике. Движение, даже если оно направлено в никуда, становится самоцелью, иначе трудно объяснить, почему наша школа не претерпевает бурных и заметных изменений.

Специалист подобен флюсу: полнота его одностороння.

Козьма Прутков

Однако если со специфическим интересом науки к школе всё ясно, то с влечением школы к науке дело обстоит не так просто. Ведь сегодня нельзя заставить педагогов любить безосновательно, и вряд ли без всякого для себя интереса школа бросится в объятия к науке. И такой искусственно созданный интерес действительно есть. Всё держится на трёх нехитрых основаниях. Первое из них — понятное желание образовательных учреждений защититься от различных проверяющих инстанций. Защита в том, что благодетельствованная наукой школа работает в инновационном режиме, то есть является федеральной или городской экспериментальной площадкой. О чём и свидетельствует соответствующий диплом, и что подтверждается приказом. Но чтобы получить такую охранную грамоту, необходимо предоставить на конкурс в экспертную комиссию подготовленный проект (концепцию, программу), изложенный тем «птичьим» научным языком, который будет близок и мил экспертам. Вот здесь-то и возникает необходимость в научных консультантах со званиями. Они и проект напишут любо-дорого посмотреть, и выступят так, что комар носу не подточит. Считай, что право на создание возжеленной экспериментальной площадки у директора школы в кармане. Вернее — разрешение на инновационную деятельность в красивой рамочке на стене его кабинета.

Вот так и формируется эта самая квазинаука. Ведь проекты пишутся так, что среди педагогов мало кто сможет в них разобраться, даже если очень захочет. А значит, все «проекты» так и останутся на бумаге, что может быть и не самый худший вариант (для детей, по крайней мере).

Сегодня в образовательном пространстве России есть два десятка школ, которые с подачи своих научных руководителей участвуют во всех конкурсах, многократно переписывая, по сути, один и тот же проект. Экспериментальная и исследовательская деятельность в целом до предела профанировалась. Ею занимаются сотни тысяч учителей, а ведь научное творчество — дело штучное, удел избранных. Да и технологии этого многотрудного дела педагогов никто не обучает. Вот и получается, что под видом эксперимента в лучшем случае скрывается привычная методическая тема.

Усердный в службе не должен бояться своего незнания; ибо каждое новое дело он прочтёт.

Козьма Прутков

С другой стороны, экспериментальная деятельность помогает «выбивать» дополнительные ставки и надбавки к негустому учительскому заработку. И этот факт тоже имеет немаловажное значение. Лучше живут те школы, директора которых находят научного руководителя «покруче» и с его помощью придумывают тему эксперимента позаковыристей — такую, которая позволяет гонять по кругу маловыразительные отчёты о научной деятельности как можно дольше.

Но есть и ещё один канал связи между наукой и школой. Причём эта связь интимная — речь идёт о диссертациях. Скоро только редкий директор колледжа, лицея и гимназии не будет остепенён. Да что директора — завучи защищаются с такой скоростью, что и руководители школ не успевают за ними угнаться. Темы у них всегда под рукой и никого не удивляет, что их всего три — мониторинг, профильная дифференциация да всевозможные модули. Само по себе это, возможно, и не плохо, ведь пока человек над диссертацией работает, он и книжки умные почитает, да и на свою деятельность взглянет со стороны. Беда только в том, что подготовленные с помощью тех же научных консультантов эти диссертации чаще всего иллюстрируют давно известные истины и научнообразно описывают некоторые аспекты рутинной школьной работы.

Горше всего понимать, что отражает эта тенденция. Благодаря квазинауке происходит окукливание школы, из неё уходит нормальная живая жизнь детей и учителей. Школа всё меньше и меньше походит на живой организм.

Не меньшей бедой, принесённой в школу квазинаукой, стало полное обесценивание действительного творческого поиска и инновационной деятельности. Парадокс заключается в том, что разработано «строго научное» определение такой деятельности, как в литературоведении описывающее технические приёмы, которыми написан гениальный роман, но не дающее рецепта создания хотя бы небольшого наполненного жизнью рассказа. А между тем современная российская школа действительно нуждается в настоящем изучении. У общества накопилось слишком много вопросов. Среди них и такие, что напрямую касаются педагогики, и те, что лежат на её стыке с другими науками. Ведь до сих пор, например, не определена и не проанализирована роль такого института, как школа, в нашей общественной жизни. Это в свою очередь означает, что непонятны ни содержание образования, ни конечная цель обучения (если не предполагать, что она в самом обучении в школе и в успешном переходе на его следующую ступеньку в вуз). Множество проблем связано с пониманием и практическим применением психологического механизма образовательной деятельности и взаимосвязи обучения с интеллектуальным развитием. Научного осмысления ждут образовательное право и экономика образования. Словом, актуальных тем для научного поиска достаточно, но повальное увлечение квазинаукой затрудняет его. И в общем вале диссертаций работы, которые действительно нужны школе, могут затеряться.

Неприступный бастион

Герой незабвенного «Робинзона Крузо» был обыкновенным моряком; среди героев «Таинственного острова» оказался инженер. Вот почему эти книги можно называть не только приключенческими, но и учебными. Пользуясь своими знаниями, их герои смогли обустроить свою жизнь: построить жилище из подручных средств и наладить успешную сельскохозяйственную деятельность, которая позволила им выжить.

В этом месте принято тяжело вздохнуть и с сожалением говорить об утрате практико-ориентированного характера образования и его былой универсальности. Это правильно, но мы почему-то забываем, что за последние сто пятьдесят лет условия жизни кардинально изменились, и память реального человека уже не способна вместить все практические навыки и практико-ориентированные знания. Однако главной социальной функцией образования мы по-прежнему считаем передачу опыта, накопленного предшествующими поколениями. А под содержанием образования понимаем освоение знаний, умений и навыков в каком-то конкретном разделе человеческого опыта. При этом мы не замечаем очевидное: опыт прирастает быстрее, чем мы успеваем его осмыслить.

Похоже, нам просто некогда думать о столь высоких материях. Но и руководителям нашего образования тоже не до этого. Чем только в последние годы ни занимались в российском образовании! Принимали «Закон», изменяли типологию учреждений, совершенствовали систему аттестации педагогов... Все силы направлялись на задачи явно избыточные и мало понятные: принятие стандартов, протаскивание двенадцатилетки. Между тем стержневой

вопрос об обновлении содержания образования как будто был вынесен за скобки. Разговор зачастую сводился к проблемам установления стандарта знаний и соответствующему переделу часов в учебном плане. Но и эта задачка решалась плохо. Физики и лирики, а недавно к ним присоединились и солидные военные отставники, объясняли растерянной общественности, почему сокращение часов на их предметы смерти подобно. Учёные, представляющие подлежащую урезанию учебную дисциплину, начинали в один голос страстно доказывать, что устранение какого-либо раздела из учебного плана приведёт к снижению интеллектуального потенциала учащихся, а в перспективе — чуть ли не к деградации нации.

Всё происходит так потому, что подходы к модернизации содержания образования до сих пор носят чисто механический характер. Это напоминает сокращение кадров в каком-нибудь министерстве. Проходит оно примерно так. По соответствующему распоряжению увольняют тех, за кого заступиться некому, и тех, кто должен уйти по возрасту. Но все понимают, что от такого сокращения министерство не начнёт работать лучше, да и немедленного прогресса в сфере его деятельности не произойдёт.

Многие чиновники стальному перу подобны.
Козьма Прутков

Перетягивание каната интересов сторон может закончиться только тогда, когда появится **общественная цель образования**. Мы, наконец, должны договориться, на каких ценностях строится наше общество, и перестать руководствоваться русской пословицей «Хоть горшком назови, только в печь не сажай». От этого договора будет зависеть содержание образования. Не столько количество часов, отводимых на предмет, сколько сами принципы построения содержания образования.

Если мы продолжаем ретранслировать знания, то задача модернизации содержания образования состоит только в том, чтобы отобрать те навыки и знания, которые жизненно необходимы для ориентирования в социуме, и сосредоточить их в основной школе, перенеся в старшие классы всё то, что позволит подготовиться к продолжению образования. В этом и заключается суть схемы, настойчиво предлагаемой Министерством образования. По существу, она мало чем отличается от подобных ей схем советской школы: государство определяет необходимый набор знаний и не создаёт условий для инвариантности в рамках учебных заведений. Только в современной схеме сдвинуты акценты. Появился заказ не на нафаршированное знаниями (но при этом не очень здорового) молодого человека, а на здорового протачка, способного без лишних раздумий выполнять самые несуразные приказы. В этом смысле предлагаемое содержание образования сводит на нет все попытки придать ему общественно-государственный статус. Ведь уже давно очевидно, что интересы нашего государства и нашего общества (а тем более его отдельной личности!) не только не совпадают, но часто просто противоположны.

Многие люди подобны колбасам: чем их начиняют, то и носят в себе.
Козьма Прутков

Хочется верить, что не только в обществе, но и в государстве зреет понимание того, что это путь в никуда. Доказательство тому — концепции содержания образования, предлагающие отказаться от ЗУНов и переориентироваться на ключевые компетенции в интеллектуальной, общественно-политической, коммуникационной, информационной и прочих сферах. Сегодня на Западе появилось новое понятие «социальный интеллект», которое отражает не только умение применять современные знания в современных условиях жизни, но и на основе существующих компетенций эффективно обучаться новому и успешно его применять. Именно под эту задачу перестраивается, по крайней мере, элитарное западное образование. Пока мы только отстаём, но можем и безнадежно отстать, если не решим, кто для нас более

ценен: человек-винтик или человек-творец. Уровень наших амбиций в этом вопросе и определит, какой будет наша школа, каким содержанием наполнится наше образование.

Ещё недавно разве что ленивый не писал о гуманизации образования, о его ориентации на личность. Единственное, что было сделано для этого в массовой школе, — разрешена вариативность. Сегодня и за этот первый шаг к гуманизации образования приходится бороться. Впрочем, эта борьба уже напрасна, потому что для старшеклассников открылся новый способ уйти от школьной рутины в любом её инвариантном виде. Наши дети активно голосуют ногами против существующего содержания образования, уходя из школы в экстернат. Но этот исход возможен только для старшеклассников. Главная же задача первоклассника — окончательно не потерять интерес и желание *образовываться*, то есть проявлять свой образ, строить свою индивидуальность. С этой точки зрения не важно, с помощью каких знаний это происходит. Тут есть только два ограничения: конкретное содержание образования должно помогать ребёнку построить научную картину мира и создать предпосылки для его социализации. Но уже и здесь желательна дать ребёнку возможность не только получать готовое и разжёванное, но и открывать что-то самостоятельно. Это и будет личностным компонентом содержания образования, станет залогом компетентности в средней и старшей школе, а главное — в жизни.

Самое удивительное, что нам уже нет необходимости разрушать весь мир школьного насилия. Благодаря «революционному» взрыву, произошедшему в конце восьмидесятых годов, мы получили богатый инновационный опыт, в том числе и в поиске инвариантов содержания образования, который до сих пор до конца не оценён, не осмыслен. Никому из государственных чиновников ни приходит в голову поискать в этом опыте элементы содержания образования, которые уже давно приняли многие учителя, а уж тем более родители. Благодаря этим «островкам свободы» медленно, но верно и уже почти без вмешательства государства происходят процессы изменения содержания образования. В какой-то момент государству захочется оформить их и заключить в какую-то рамку. Только не получилась бы в очередной раз клетка.